

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

Нянины сказки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
Нянины сказки / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 83 с.

ISBN 978-5-519-74871-1

ISBN 978-5-519-74871-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Горько стало на сердцѣ у козочки-бѣляночки, молча отпрыгнула она назадъ, посмотрѣла долго на кота и издали проблеяла:

— Ахъ, зачѣмъ ты дѣлаешь больно? Не умѣешь играть!..

И снова стало радостно на сердцѣ у козочки-бѣляночки, и подумала она: «А можетъ-быть, я его обидѣла,—вотъ онъ какой важный, серьезный, а я подбѣжала къ нему запросто». И козочка снова подпрыгнула къ коту, чтобы извиниться.

— Я, я... не хотѣла васъ огорчить... Я...

Коть Василій Васильевичъ поднялся на лапы и рѣшилъ поучить надоѣдницу. Онъ взвился въ воздухъ клубомъ, козочка прилегла къ полу, повторяя:

— Простите, я не хотѣла васъ обидѣть!

Коть перелетѣлъ черезъ козочку, шлепнулся на полъ и громко и отчаянно замыкалъ.

Бабушка Петровна проснулась, поднялась на конникѣ и прошептала:

— Господи, кто это развозился въ избушкѣ?

Козочка-бѣляночка подбѣжала къ бабушкѣ, про-
блеяла:

— Здравствуй! Вотъ и я!

— А-а, у насъ новая козочка, молодая бѣляночка!
Слава Богу, бабушкѣ прибыль

Съ этого яснаго утра козочка-бѣляночка стала
жить-поживать у бабушки Петровны.

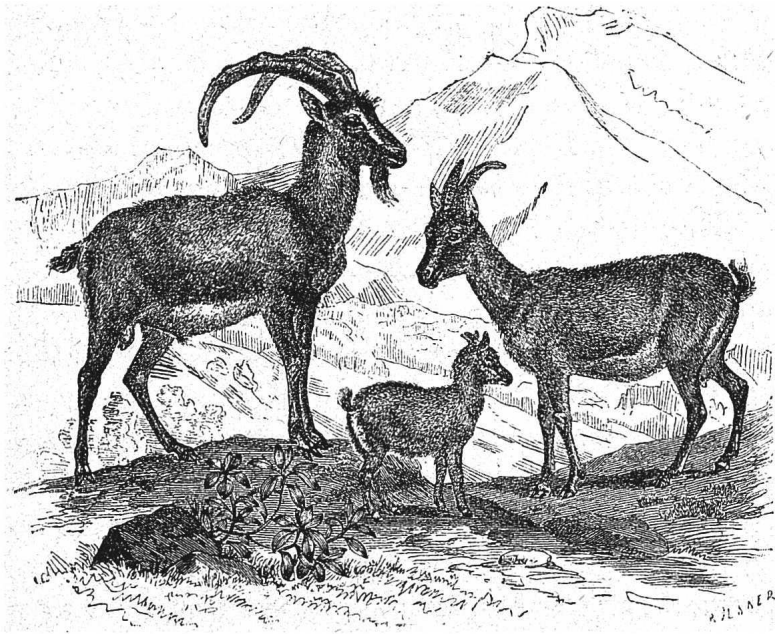
Бабушка любила козочку-бѣляночку. Козочка
росла на волѣ, бабушка не привязывала ее на
веревку.

Козочка-бѣляночка была большая шалунья.
Она всюду совала свою мордочку: и въ горшокъ съ
горячими щами, и въ кринку съ молокомъ, и въ чу-
гунокъ съ варенымъ картофелемъ.

До всего было дѣло козочкѣ-бѣляночкѣ; то она
связжется съ серьезнымъ котомъ Васильемъ Васильи-
чемъ, налетитъ на кота, задеретъ короткій хвостъ,
припадетъ головой къ землѣ, — прыжокъ-два и собьетъ
кота съ ногъ, отброситъ далеко въ сторону. Пройдетъ
минута-двѣ, — козочка-бѣляночка набросится на пѣ-
туха Кузьму Петровича, горлана-полуночника, боль-
шого хвастуна въ птичьей семьѣ. Кузьма Петро-
вичъ то и знай приговариваетъ:

— Кло! кло! кло! ку-ку-ре-ку! Было это въ по-
жарный годъ: сгорѣла бы вся деревня наша, если бы

я не увидалъ да не заоралъ во все горло; а такого горла ни у одного пѣтуха нѣтъ, хоть весь свѣтъ пройди... Ужъ и заоралъ я! «По-жа-аръ, братцы-сударики!» кричу и все расту, расту,—со свинью выросъ, вотъ

на этомъ мѣстѣ мнѣ провалиться,—вѣдь если бы на родъ не сбѣжался, отъ крику до теленка ростомъ дошелъ бы я!..

— Ужъ и пустомеля ты, пустомеля!—кричить ему на это съ плетня сосѣдній пѣтухъ Гараська-безхвостый.

— А-а, лиходѣй!—отвѣчаетъ ему Кузьма Петровичъ. — Чего ты на чужой дворъ носъ показаль? Выщипаль я у тебя хвостъ, — выщиплю и зобъ.

А козочка-бѣляночка — тутъ какъ тутъ,—не любить она ссоръ.

— Эхъ, Петровичъ, нехорошо! Эхъ, Кузьма, неладно! Ишь старики расходились,—сосѣди вѣдь, стыдно! Что за пѣтухи,—куры засмѣются!—и подпрыгнетъ къ Кузьмѣ Петровичу, отгонить его подалеже отъ плетня, проскользнетъ въ подворотню на середину двора; въ это время песь залетъ - пуστοлай прыгаетъ и скачетъ кругомъ козочки-бѣляночки, норовить ее схватить за короткій хвостъ. Козочка мечется,—рада поиграть,—прыгаетъ, мотаетъ головой, натираетъ молочные рожки. Кузьма Петровичъ неистово горланить, песь залетъ - пуστοлай отчаянно лаеетъ, котъ Василій Васильичъ мяучить; соберутся изъ хлѣвущковъ на этотъ шумъ куры и поднимутъ такое кудахтанье, что всѣ воробьи попрячутся по застрѣхамъ, и свинья Домна выставить тупую морду и стонетъ: «Охъ, свѣты, уморили! Охъ, проказники, всѣ бока подвело отъ смѣха».

Бабушка Петровна сидитъ на крылечкѣ, довольная, веселая, смѣется, да и говорить сама себѣ:

— Хорошо у меня всѣмъ житье: хоть не больно сытно, да больно весело. А и забавнѣе всѣхъ, козочка-бѣляночка,—кого хочешь насмѣшить, не тужить, не

плачетъ, всегда радостна. Ей и хлѣба не надо,—играй лишь съ утра до утра.

Такъ весело жила козочка - бѣляночка у бабушки Петровны, пока не привязали милую на короткую веревку къ столбику подъ навѣсами, по сосѣдству со свиньей. Прыгай тутъ, не дѣлай убытковъ бабушкѣ.

Козочка-бѣляночка, какъ стала подрастать да начесывать себѣ рожки, вездѣ бѣдокурила.

Заберется въ избу къ бабушкѣ, рожками щелкъ-щелкъ-щелкъ—отъ горшка съ картофелемъ черепки одни валяются, отъ кринки съ молокомъ только мокренько.

— Кто набѣдилъ?

Все она, козочка - бѣляночка.

Заберется козочка - бѣляночка къ бабушкѣ Петровнѣ въ огородъ, и прости-прощай разная огородная зелень,—молодая разсада, только что высаженная на гряды, морковь, огуречная зелень: то потопчетъ, то помнетъ, то пожуетъ козочка - бѣляночка.

Бабушка сердится, то и знай, ворчить:

— Волкъ тебя ѣшь!

А козочка - бѣляночка думаетъ: «Какой такой волкъ? Хоть бы разъ повидать его!»

Вотъ и посадила бабушка Петровна козочку-бѣляночку на веревку и сказала:

— Одумайся, мой свѣтъ, въ разумъ войди, потерпи ума наберись! Свинья Домна побережетъ тебя, приглядитъ за тобой.

Тяжело, тошно было сидѣть на веревочкѣ козочкѣ-бѣляночкѣ. Рвалась она направо, налево, впередъ, назадъ, задыхалась отъ веревочки, а все рвалась.

Свинья Домна стонала:

— Охъ, одумайся, козочка - бѣляночка, такъ-то задохнешься, ноги вытянешь.

Да, тяжело задохнуться, тяжело ноги вытянуть, не жить, не видать свѣта Божьяго, не слышать задорнаго крика пѣтуха Кузьмы Петровича, веселаго лая залета - пустолоая, докучнаго стона свиньи Домны.

«Лучше потерпѣть, вотъ волкъ придетъ!» думаетъ козочка-бѣляночка — и терпитъ.

Мало ли, много ли, долго ли, коротко ли прошло времени,—солнце, какъ и всегда, свѣтило ясно, зеленѣли поля, зеленѣлъ лѣсокъ, куда когда-то рвалась козочка - бѣляночка; какъ это случилось,—только случилось очень просто: перетерлась ли отъ времени веревка, или размякъ узелъ отъ дождей, перегнилъ и лопнулъ, только козочка - бѣляночка сорвалась съ веревки, бросилась дальше подъ повѣти. Хрюкнула было ей свинья:

— Погоди, постой, бѣляночка, куда ты?

Куда глаза глядятъ, поищу волка,—отвѣтила ей козочка - бѣляночка.

— Пропадешь, волкъ тебя съѣтъ!

— Пускай ѣстъ, но не посадить на веревочку,—тешнѣй всего на свѣтѣ.

И вотъ бѣжить - бѣжить козочка - бѣляночка полемъ. Весело ей, радостно... Гдѣ волкъ?—Нѣтъ въ полѣ волка!

И вотъ бѣжить козочка - бѣляночка лѣсомъ, — птицы поютъ, звѣри ревуть... Всѣмъ радостно, всѣмъ счастливо, всѣмъ вольно... Гдѣ волкъ?— Нѣтъ волка!

И бѣжить козочка, бѣжить, рожками брыкъ-брыкъ-брыкъ! Ножками топъ-топъ-топъ!

Никого не боюсь! Гдѣ волкъ!— Нѣтъ волка! Добрая бабушка Петровна, видно, пугала только глупенькую козочку, чтобы держать ее на веревочкѣ, анъ вотъ козочка не побоялась волка, будетъ цѣла и безъ веревочки! Гдѣ волкъ?—Нѣтъ волка!

— Каръ! Карръ! Каррръ!— каркалъ со стараго дуба старый воронъ.—Есть волкъ, есть!

Оглянулась козочка-бѣляночка кругомъ и громко проблеяла:

— Гдѣ онъ? Гдѣ?

— Каръ! Карръ!.. Впереди онъ, впереди!

— Не боюсь его, не боюсь!

— Каръ! Карръ!.. Не бойся, а знай,— онъ есть, онъ рыщетъ вездѣ, можетъ-быть, и не встрѣтишь его, а можетъ, набѣжишь на него и сейчасъ....

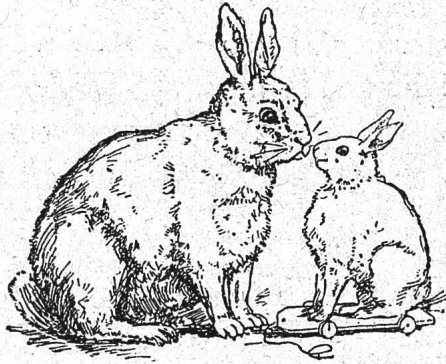
— Ну, молчи, старый воронъ, бабушки Петровны старый кумъ! Лети къ ней да посиди-ка у ней на веревочкѣ! А волка-то нѣтъ!

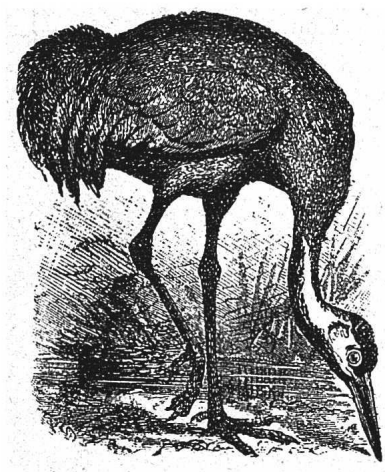
Гдѣ-то далеко-далеко въ лѣсу протяжно завыво: «Ообоо»!—И засмѣялся старый воронъ:

— Слышишь, безстрашная козочка-бѣляночка? Вонъ онъ воетъ впереди, — это волкъ воетъ!... Прячься скорѣй, вонъ зайцы прячутся....

— Не боюсь я никого! Брыкъ- брыкъ! Топъ-топъ!

И скрылась козочка-бѣляночка въ зеленомъ лѣсу, бѣжить все впереди да впереди!

Сестрица-цапля да братецъ- куликъ.

(Сказочка).

Куликъ да цапля родились при болотѣ и жили на болотѣ, и всё тамъ про нихъ говорили: «цапля—красавица, куликъ — умница!»

Вскружились головы у кулика да цапли, — только и слышно отъ нихъ: «Мы да мы!»

Взмахнули крыльями, поднялись, полетѣли, сѣли въ полѣ. Въ полѣ только и слышать: «Пить-полать! Пить-полать! Я перепелка — всёмъ голова». На цаплю и на кулика никто и не смотреть: повѣ-

сили носы куликъ да цапля — посидѣли - посидѣли....

— Скучно, цапля-сестрица!

— Скучно братецъ-куликъ!

Взмахнули крыльями, поднялись, полетѣли, сѣли въ лѣсу на сухую березу. «Тю-тю трр.. дью-дью-тю-ю». Не видать, а слышно, — заливается птица въ кустахъ... Всѣ притихли, слушаютъ.

— Кто это? — спросила цапля сороку.

— Т-шш! Неужели соловья ты не знаешь?

— Длинный у него носъ?

— Нѣтъ.

— Тонкія у него ноги?

— Нѣтъ.

— Что же это тогда за птица?

— Ты слушай голосъ, какой голосъ!

— Голосъ! Вотъ невидаль! Не была ты у насъ на болотѣ... не слышала, какъ поетъ лягушка... Вотъ это голосъ! И послушаешь ее и проглотишь, — ничего другого не захочешь, лучшаго блюда и не надо!

— Молчи, если глупа! — и сорока досадливо взмахнула крыльями и улетѣла.

Сидятъ на сухой березѣ куликъ да цапля, глядятъ другъ на друга да тоскливо вздыхаютъ.

— Скучно, братецъ-куликъ!

— Скучно, сестрица-цапля! Лучше нашего болота нѣтъ ничего на свѣтѣ!